

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Воспоминания дипломатов

ПЕТЕРБУРГ: ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ

Морис Палеолог
Джордж Бьюкенен

РАСПУТИН

Петербург: тайны, мифы, легенды

Морис Палеолог

**Распутин. Воспоминания
дипломатов**

«Страта»

УДК 947.083

ББК 63.3

Палеолог М. Ж.

Распутин. Воспоминания дипломатов / М. Ж. Палеолог —
«Страта», — (Петербург: тайны, мифы, легенды)

ISBN 978-5-9909705-7-0

Морис Палеолог – французский дипломат, публицист, с 1914 до июля 1917 года был послом Французской республики в Российской империи. Тогда же послом Великобритании в России служил Джордж Бьюкенен. Между дипломатами установились теплые и доверительные отношения. В книге их воспоминаний воссоздана картина предвоенной и военной царской России, Февральской и Октябрьской революций, русско-французских и англо-русских отношений в связи с мировой войной. Мемуары дают яркую характеристику предреволюционного периода. Находясь в самом центре придворной и политической жизни, они рисуют потрясающе правдивую картину умирающего режима.

УДК 947.083

ББК 63.3

ISBN 978-5-9909705-7-0

© Палеолог М. Ж.

© Страта

Содержание

Записки свидетелей	6
Морис Палеолог	8
Распутин появляется на сцене, его прошлое, его влияние на двор	8
Николай и Распутин	18
Моя встреча с Распутиным	19
Скандал Распутина в Москве	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Морис Палеолог, Джордж Бьюкенен Распутин. Воспоминания дипломатов

© Палеолог М.
© Бьюкенен Д.
©«Страта», 2017

* * *

Записки свидетелей

Рассея-то хорошая, тока люди в ней стали уж больно плохи.
Григорий Распутин

Мемуары работавших в Петрограде до и во время революции 1917 года посла Франции Мориса Палеолога и посланника Великобритании Джорджа Бьюкенена являются интереснейшими историческими документами, рисующими картину происходившего тогда в России пером иностранцев, которые обладали на этот счет очень ценной информацией. Разумеется, их главной целью обоих было любой ценой удержать Россию в войне с Германией. Мемуары М. Палеолога, например, с циничной прямоотой рассказывают, как он изо дня в день требовал от русского правительства все новых и новых поставок «пушечного мяса» взамен выданных в кредит России миллиардов.

Этим же занимался в Петрограде и Джордж Бьюкенен. Войдя в доверие к императору, в частных беседах с Николаем II он внушал ему мысль о необходимости сближения с народом, о назревшей потребности внутренних реформ и т. д. В противном случае посол открыто грозил царю революцией и гибелью династии. Какова же цель этих реформ и уступок? Бьюкенен говорит об этом безо всяких обиняков: по его мнению, лишь они могут вернуть армии боеспособность, а стране – готовность вести войну «до победного конца». Как явствует из мемуаров, либерализм Бьюкенена был целиком продиктован нуждами мировой войны.

Положение Бьюкенена в Петрограде в то время настолько усилилось, что он не без гордости сам воспроизводил данную ему немцами кличку «некоронованный король России». Помимо советов царю, англичанин агитировал, например, за уступку японцам Сахалина, ходатайствовал о возвращении Бурцева – словом, предпринимал ряд шагов, более подходящих для российского министра иностранных дел, нежели для английского посла.

Английское правительство задумывалось даже о целесообразности совершения в Петрограде военно-дворцового переворота для предупреждения революции, чтобы Россия не вышла из войны. Не случайно появились заявления о том, будто в убийстве Распутина, выступавшего против войны, принимал участие английский агент. Поспешное же признание Временного правительства со стороны Англии было обусловлено готовностью его «вести войну до победного конца и восстановить дисциплину в армии». Сам Бьюкенен с характерным цинизмом заявлял об этом так: «Если я с горячностью говорил о вновь завоеванной Россией свободой, которая уже вырождалась в своеволие, так это, чтобы сделать более приемлемыми мои последующие призывы к поддержанию дисциплины в армии и к продолжению борьбы вместо братания с немцами. Моей единственной же мыслью было: как удержать Россию среди воюющих».

Палеолог, полностью разделяя такую позицию Бьюкенена, в некоторых вопросах обнаруживал большую дальновидность. Так, он считал самым страшным врагом Антанты Ленина, о котором не единожды упоминал в своих мемуарах. 18 апреля 1917 года Палеолог пишет следующие строки: «Милюков говорит мне сегодня утром с сияющим видом, что Ленин вчера совершенно провалился в Совете. Он защищал тезисы пацифизма с такой резкостью, с такой бесцеремонностью, с такой бестактностью, что вынужден был замолчать и уйти освистанный... Уже он теперь не оправится. Я ему отвечаю на русский манер: «Дай бог. Но я боюсь, что Милюков лишний раз окажется жертвой своего оптимизма. В самом деле, приезд Ленина представляется мне самым опасным испытанием, какому может подвергнуться русская революция».

Одним из самых характерных явлений революции, только что свергнувшей царизм, – констатирует Палеолог, – это абсолютная пустота, мгновенно образовавшаяся вокруг царя и царицы в опасности. При первом же натиске народного восстания все гвардейские полки, в том числе и великолепные лейб-казаки, изменили своей присяге и верности. Ни один из великих

князей тоже не поднялся на защиту священных особ царя и царицы: один из них не дождался даже отречения императора, чтобы представить свое войско в распоряжение инсurreкционного правительства. Наконец, за несколькими исключениями, тем более заслуживающими уважения, произошло всеобщее бегство придворных, всех этих высших офицеров и сановников, которые в ослепительной пышности церемоний и шествий выступали в качестве прирожденных стражей трона и присяжных защитников его императорского величества. А между тем, долгом не только моральным, но военным, прямым долгом для многих из них было окружить царя и царицу в опасности, пожертвовать собой для их спасения или, по крайней мере, не покидать в их великом несчастье...».

С печалью смотрит посол, как мимо его посольства гвардейские полки маршируют в Таврический дворец к победившим революционерам: «Они идут в полном порядке, с оркестром впереди. Во главе несколько офицеров, с широкой красной кокардой на фуражке, с бантом из красных лент на плече, с красными нашивками на рукавах...».

Мемуары послов интересны не только тем, что они показывают подлинную и, фактически, предательскую, роль правительств их стран, но яркими зарисовками событий в революционном Петрограде.

Владимир Мальшев

Морис Палеолог

Распутин появляется на сцене, его прошлое, его влияние на двор

Суббота, сентября 1914 г.

Распутин вылечился от своей раны и вернулся в Петроград. Ему не стоило труда убедить императрицу что его выздоровление – блестящее доказательство божественного покровительства.

О войне он говорит в выражениях туманных, двусмысленных, апокалиптических, из чего заключают, что он ее не одобряет и предвидит великие бедствия.

Воскресенье, 27 сентября 1914 г.

Я завтракаю в Царском Селе у графини Б., сестра которой очень близко знакома с Распутиным. Я расспрашиваю ее о «старце».

– Часто виделся он с царем и царицей после своего возвращения в Петроград?

– Не очень часто. У меня такое впечатление, что в данный момент их величества держат его в некотором отдалении. Так, например, позавчера он был в двух шагах отсюда, у моей сестры. Он при нас телефонирует во дворец, спрашивает г-жу Вырубову, может ли он вечером видеть императрицу. Г-жа Вырубова отвечает, что лучше ему подождать несколько дней. Он, по-видимому, был очень обижен этим ответом и тотчас покинул нас, даже не простившись. Раньше он не стал бы даже спрашивать, можно ли ему пойти во дворец, он прямо отправился бы туда.

– Чем вы объясняете эту внезапную перемену?

– Просто напросто тем обстоятельством, что императрица оторвана от своей прежней меланхолической мечтательности. С утра до вечера она занята своим госпиталем, шитьем белья, санитарным поездом. У нее никогда не было такого здорового вида.

– Верно ли, будто Распутин заявил царю, что эта война будет печальной для России и что ее надо немедленно прекратить?

– Сомневаюсь... В июне, незадолго до покушения Хини Гусевой, Распутин часто повторял царю, что он должен остерегаться Франции и сблизиться с Германией; он, впрочем, повторял лишь фразы, которым с большим трудом научил его старый князь Мещерский. Но после своего возвращения из Покровского он заговорил совершенно другим языком. Мне лично он третьего дня заявил: «Я в восторге от этой войны, она избавила нас от двух великих бедствий: от пьянства и от немецкой дружбы. Горе царю, если он остановит борьбу раньше, чем Германия будет раздавлена».

– Bravo... Но говорит ли он то же самое царю и царице? Дней пятнадцать тому назад мне сообщали о его речах совсем другого рода.

– Может быть, он и говорил их... Распутин не политик, имеющий свою систему, свою политику, которой он руководствуется при всех обстоятельствах. Это безграмотный мужик, импульсивный, ясновидящий, фантазер, полный противоречий. Но, так как он очень хитер, так как он чувствует, что его положение при Дворе пошатнулась, меня удивило бы, если бы он открыто объявил себя противником войны.

– А на вас он имеет влияние?

– На меня! Нисколько. Физически он во мне возбуждает от вращение; у него грязные руки, ногти с трауром и всклокоченная борода. Фу! Однако, признаюсь, он меня забавляет. Он поражает своим пылом и фантазией. Он даже бывает иногда остроумен; он обладает даром образности и глубоким чувством тайны.

– Неужели он так красноречив?

– Да, уверяю вас, в иные дни у него очень оригинальная и поразительная манера выражения. Он попеременно фамильярен, насмешлив, резок, весел, нелеп и поэтичен. При том никакой позы. Наоборот, неслыханная бесцеремонность, ошеломляющий цинизм.

– Вы его чудесно описываете.

– Скажите откровенно, не хотите ли вы с ним познакомиться?

– Конечно, нет. Он слишком компрометирует. Но я прошу вас, держите меня в курсе его поступков и жестов, потому что он меня беспокоит.

Понедельник, 28 сентября 1914 г.

Я рассказываю Сазонову, что графиня Б. рассказывала мне вчера о Распутине.

Лицо его искажается конвульсией.

– Помилуйте, не говорите мне об этом человеке. Он мне внушает ужас... Он не только авантюрист и шарлатан, он – воплощение дьявола, он антихрист.

Вокруг имени «старца» накопилось столько легенд, что я считаю бесполезным регистрировать несколько подлинных фактов.

Григорий Распутин родился в 1871 г. в Покровском, жалком поселке, расположенном на границе Западной Сибири, между Тюменью и Тобольском. Отец его был простой мужик, пьяница, вор и коннобарышник, по имени Ефим Новый. Прозвище Распутин, которым скоро наградили молодого Григория его товарищи, очень характерно для этого периода его жизни и является пророческим для позднейшего времени. Это выражение, производное от слова «распутник», на языке крестьян означает: развратник, сладострастник, юбочник. Не раз жестоко колотили его отцы семейств, неоднократно по приказанию исправника даже наказывали его публично кнутом. Наконец, он нашел свой путь в Дамаск. Увещание священника, которого он вез в Верхотурский монастырь, внезапно пробудило в нем мистические инстинкты. Но его могучий темперамент, пылкость чувств и необузданная смелость его воображения почти тотчас же привели его в непристойную секту бичующихся, или хлыстов.

Своей натурой Распутин предназначен был быть объектом «божественного наития». Его подвиги во время ночных «радений» скоро сделали его популярным. Одновременно развились его мистические дарования. Странствуя по деревням, он произносил евангельские проповеди, рассказывал притчи. Мало-помалу он перешел к пророчествам, к заклинанию бесов, к колдовству; он даже хвастал, будто совершал чудеса.

У него в это время, однако, были неприятные хлопоты с полицией из-за слишком много нашумевших грешков: ему плохо бы пришлось, но духовные власти приняли его под свое покровительство.

В 1904 г. слава о его благочестии и аромат его добродетелей дошли до Петербурга. Известный Иоанн Кронштадтский пожелал познакомиться с молодым сибирским пророком и принял его в Александро-Невской Лавре. После этого первого появления своего в столице Распутин вернулся обратно в Покровское. Но с этого дня горизонт его жизни расширился. Он завязал сношения с целой шайкой попов, более или менее фанатичных, более или менее шарлатанов, беспутных, каких есть сотни среди подонков русского духовенства. В это же время его неизменным спутником становится монах, сквернослов, жестокий враг либералов и евреев, отец Иллиодор, который впоследствии бунтовал в своем монастыре в Царицыне, и наглостью

своего реакционного фанатизма поставил в большое затруднение Синод. Вскоре Григорий перестал довольствоваться обществом мужиков и попов; его видели важно прогуливающимся с протоиереями и игуменами, с епископами и архимандритами, которые все, как Иоанн Кронштадский, сходились в том, что признавали в нем «искру Божию». Между тем в Царицыне он лишил невинности монахиню, из которой взялся изгнать беса. В Казани он, пьяный, вышел из публичного дома, бичуя поясом бежавшую перед ним голую девушку, что вызвало большой скандал в городе. В Тобольске он обольстил благочестивейшую супругу одного инженера, г-жу Л., и до того влюбил ее в себя, что она всем рассказывала о своей любви и хвасталась своим позором: это она познакомила его с утонченным развратом светских женщин.

Благодаря этим беспрерывно повторяющимся подвигам престиж его святости возрастал с каждым днем. На улицах, когда он проходил, падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: – «Христос наш, Спаситель наш, молись за нас грешных. Бог услышит тебя». Он отвечал: – «Во имя Отца, и Сына, и Духа Св. благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему умерщвляйте плоть вашу».

В 1905 г. архимандриту Феофану, ректору Петербургской Духовной Академии, духовнику императрицы, пришла в голову несчастная мысль вызвать к себе Распутина. Он ввел его в круг своих благочестивых клиентов, среди которых было много спиритов, во главе последних очень влиятельная группа: Николай Николаевич, в то время командующий императорской гвардии, его брат Петр; затем их жены, Анастасия и Милица, дочери Черногорского короля. Григорию достаточно было появиться, чтобы поразить и очаровать это праздное легковое общество, предающееся самым бессмысленным фокусам теургии и оккультизма. Во всех мистических кружках наперерыв старались заполучить сибирского пророка, «божьего человека».

Отличались экспансивностью своего поклонения черногорские великие княжны. Они даже устроили при русском дворе лионского мага Филиппа в 1900 г. Они же в 1907 г. представили Распутина царю и царице.

Перед тем как назначить ему аудиенцию, царь и царица чувствовали некоторое сомнение и обратились за советом к архимандриту Феофану который совершенно их успокоил: – «Григорий Ефимович, – сказал он, – крестьянин, простец. Полезно будет выслушать его, потому что его устами говорит голос русской земли. Я знаю все, в чем его упрекают. Мне известны его грехи: они бесчисленны и большей частью гнусны. Но в нем такая сила сокрушения, такая наивная вера в божественное милосердие, что я готов был бы поручиться за его вечное спасение. После каждого раскаяния он чист, как младенец, только что вынутый из купели крещения. Бог явно отличает его своей благодатью».

С первого появления своего во дворце Распутин приобрел необыкновенное влияние на царя и царицу. Он их обратил, ослепил, покорил: это было какое-то очарование. Не то, чтоб он льстил им. Наоборот. С первого же дня он стал обращаться с ними сурово, со смелой и непридуманной фамильярностью, с тривиальным и красочным многословием, в котором царь и царица, пресытившись лестью и поклонением, слышали, наконец, казалось им, «голос русской земли». Он очень скоро сделался другом г-жи Вырубовой, неразлучной подруги царицы, и был посвящен ею во все царские семейные и государственные тайны.

Все придворные интриганы, все просители должностей, титулов, доходов, естественно, стали искать его поддержки. Квартиру, которую он занимал на Кировной ул., а позднее на Английском проспекте, днем и ночью осаждали просители, генералы и чиновники, епископы и архимандриты, тайные советники и сенаторы, адъютанты и камергеры, фрейлины и светские дамы; это была беспрерывная процессия. Когда он не был занят у царя с царицей или у черногорских княжен, его чаще всего можно было встретить у старой графини Игнатьевой, которая собирала в своем салоне отъявленных защитников самодержавия и теократии. У нее

любили собираться высшие духовные сановники: перемены в церковной иерархии, назначения в Синод, самые важные вопросы догматов, дисциплины и богослужения обсуждались в ее салоне. Ее всеми признанный моральный авторитет был для Распутина драгоценным вспомогательным средством.

В числе покровителей Распутина в начале его деятельности был также тибетский доктор Бадмаев, сибиряк из Забайкалья, монгол, бурят. Не имея университетского диплома, он занимался лечением не тайно, а совершенно открыто, – лечением странным, с примесью колдовства. К концу войны с Японией, один из его высокопоставленных клиентов, из признательности, отправил его с политическим поручением к наследственным правителям китайской Монголии. Для того, чтобы себе обеспечить их содействие, ему поручено было раздать им двести тысяч рублей. Вернувшись из Урги, он изложил в докладе блестящие результаты своей поездки и, на основании этого письменного сообщения, удостоился соответствующей благодарности. Но вскоре было замечено, что он оставил себе эти двести тысяч рублей. Инцидент стал принимать скверный оборот, когда вмешательство высокопоставленного клиента уладило все. Доктор свободно вздохнул и снова принялся за свои каббалистические операции. Никогда еще не было такого притока больных в его кабинет на Литейном, ибо распространился слух, что он привез из Монголии всякого рода целебные травы и магические рецепты, с большим трудом вырванные у тибетских шаманов. Сильный своим невежеством и своим фанатизмом, Бадмаев без колебания берется за лечение самых трудных, самых темных случаев; он, впрочем, оказывает известное предпочтение нервным болезням, психическим страданиям и загадочным расстройствам женской физиологии. Под странными названиями и формами он сам приготавливает прописываемые им лекарства. Он производит, таким образом, опасную торговлю наркотиками, заглушающими боль, анестезирующими, месячногонными и возбуждающими средствами; он называет их «Тибетским элексиром», «Порошком Нирвитти», «Цветами азока», «Ниэн-Ченским бальзамом», «Эссенцией черного лотоса» и пр. В действительности он получает составные части своих лекарств у знакомого аптекаря. Царь и царица несколько раз приглашали его к цесаревичу, когда обыкновенные врачи оказывались бессильными остановить у ребенка приступы кровотечения. Там он и познакомился с Распутиным. В одно мгновение шарлатаны поняли друг друга и заключили союз.

Но с течением времени здоровые элементы столицы заволновались от всех скандальных легенд, распространившихся о «старце» из Покровского. Его частые визиты в царский дворец, его доказанное участие в некоторых произвольных и злополучных актах верховной власти, наглое высокомерие его речей, его циническая нравственная распущенность вызвали, наконец, со всех сторон ропот возмущения. Несмотря на строгость цензуры, газеты разоблачали гнусную деятельность сибирского чудотворца, не осмеливаясь касаться личности императора, но публика понимала с полуслова. «Божий человек» почувствовал, что ему хорошо было бы испариться на некоторое время. В марте 1911 г. он вооружился посохом и отправился в Иерусалим. Это неожиданное решение исполнило его поклонников печалью и восхищением: только святая душа могла так ответить на оскорбления злых людей. Затем он провел лето в Царицыне у своего доброго друга и соратника, монаха Иллиодора.

Между тем царица не переставала ему писать и телеграфировать. Осенью она заявила, что не может больше выносить его отсутствия. К тому же кровотечения цесаревича стали повторяться чаще. А если ребенок умрет... Мать не успокаивалась ни на один день: беспрепятственные нервные припадки, судороги, обмороки. Царь, любящий свою жену и обожающий своего сына, чувствовал себя глубоко удрученным.

В начале ноября Распутин вернулся в Петербург. И тотчас же возобновились безумства и оргии. Но среди его поклонников обнаружились уже некоторые разногласия; одни считали его компрометирующим и слишком похотливым; других беспокоило растущее вмешательство его в церковные и государственные дела. Как раз в это время, в духовных кругах волнова-

лись по поводу позорного назначения, вырванного у царя, благодаря его слабости: Григорий добился назначения Тобольским епископом одного из своих друзей детства, безграмотного, непристойного, гнусного отца Варнавы. Одновременно стало известным, что обер-прокурор Синода получил приказание пожаловать Распутину сан иерея. На этот раз поднялся скандал. 29 декабря саратовский епископ Гермоген, монах Иллиодор и несколько иереев завели ссору со «старцем». Они его ругали, толкали, называли: «Проклятый, богохульник, блудодей... скот смердящий... ехидна дьявольская... наконец, они стали плевать ему в лицо. Сначала он растерялся, потом, припертый к стене, попробовал ответить потоком ругательств. Тогда Гермоген, колосс, нанес ему несколько ударов, с размаху, по черепу своим наперсным крестом, крича: «На колени, несчастный... На колени перед святыми иконами... Проси у Бога прощения за твои гнусные мерзости. Поклянись, что ты больше не осмелишься осквернять своей гнусной образиной дворец нашего любезного государя». Распутин, дрожа от страха, с разбитым в кровь носом, ударяя себя в грудь, бормоча молитвы, дал клятву, что никогда больше не увидит царя. Наконец он вышел под градом последних проклятий и плевков. Едва спасшись из этой западни, он поспешил в Царское Село.

Ему недолго пришлось ждать удовлетворения своей мстительности. Несколько дней спустя по требованию обер-прокурора Синод лишил Гермогена епископской кафедры и сослал его в Хировицкий монастырь, в Литву. Что касается монаха Иллиодора, он был схвачен жандармами и заключен в исправительный Флоришевский монастырь, близ Владимира.

Полиция вначале бессильна была замять скандал. В Думе лидер октябристов Гучков в прозрачных выражениях осудил Двор за сношения с Распутиным. В Москве самые признанные представители православного славянства, граф Шереметьев, Самарин, Новожилов, Дружинин, Васнецов публично протестовали против раболепия Синода; они доходили до того, что требовали созыва всероссийского собора для реформы церкви. Сам архимандрит Феофан, раскусив, наконец, «божьего человека», никак не мог простить себе, что рекомендовал его при Дворе и с достоинством возвысил свой голос против него. Вскоре Феофан, хотя он был духовником царицы, был сослан по постановлению Синода в Крым.

Председателем Совета Министров был в это время Коковцев, временно управлявший и министерством финансов. Он делал все возможное, чтобы представить своему государю в настоящем свете всю гнусность «старца». 1 марта 1912 г. он умолял царя разрешить ему отослать Григория обратно в его родную деревню: «Этот человек овладел доверием вашего величества. Это шарлатан и негодяй наихудшей породы. Общественное мнение против него. Газеты...» – царь прервал своего министра презрительной улыбкой: «Вы обращаете внимание на газеты?».

«Да, государь, когда они нападают на моего государя и от этого страдает престиж его власти. А в данном случае наиболее лойяльные газеты оказываются наиболее суровыми в своей критике».

Со скучающим видом царь опять прервал его: «Эти критики бессмысленные. Я знаю Распутина». Коковцев не знал, стоило ли продолжать. Однако он закончил: «Государь, ради династии, ради вашего наследника, умоляю вас, дайте мне принять необходимые меры, чтобы Распутин вернулся в свою деревню и никогда больше не возвращался». Царь ответил холодно: «Я ему сам скажу, чтоб он уехал и не приезжал больше». – «Должен ли я считать это решением вашего величества?» – «Это мое решение». Затем, посмотрев на часы, которые показывали половину первого пополудни, царь протянул Коковцеву руку: «До свидания, Владимир Николаевич, я вас больше не задерживаю».

В тот же день в четыре часа Распутин позвонил к телефону сенатора Д., близкого друга Коковцева, и насмешливо закричал ему: «Твой друг, председатель, пытался сегодня утром напугать “папку”. Он наговорил ему на меня всячески, но это не оказывает никакого действия.

“Папка” и “мамка” любят меня по-прежнему. Ты можешь телефонировать об этом от моего имени Владимиру Николаевичу».

6 мая в Ливадии все министры в парадной форме собрались в царском дворце принести поздравления царице по случаю ее тезоименитства. Проходя мимо Коковцева, Александра Федоровна отвернулась от него.

За несколько дней до этой церемонии «старец» уехал в Тобольск; уехал он не по приказу, а по своей доброй воле, посмотреть, как идут дела в его небольшом имении в Покровском. Прощаясь с царем и царицей, он произнес с мрачным видом речь: «Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону». Царица воскликнула: «Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг?». И, преклонив колени, просила ее благословить.

Октябрь царская семья проводила на даче в Спаде, в Польше, где царь часто охотился в великолепном Крулевом лесу.

Однажды юный наследник, возвращаясь с прогулки в лодке на озере, плохо рассчитал свой скачок на берег и ушиб бедро о борт лодки. Контузия сначала казалась легкой и невинной. Но через 2 недели, 1 октября, появилась опухоль в паху, бедро распухло, затем внезапно поднялась температура. Доктора Федоров, Деревенко, Рауфус, поспешно вызванные, определили кровяной нарыв, кровяную опухоль и начинающееся заражение крови. Надо было немедленно произвести операцию, но предрасположение ребенка к кровотечению исключало возможность надреза¹.

Между тем, температура с каждым часом все поднималась. 21-го октября температура дошла до 39,8°. Родители не выходили из комнаты больного, ибо врачи не скрывали своего беспокойства. В церкви, в Спаде, попы сменялись для молитвы днем и ночью. По распоряжению царя торжественная литургия была отслужена в Москве перед иконой Иверской Богоматери.

Утром 22-го октября царица в первый раз сошла в салон, где собрались: дежурный адъютант Нарышкин, дежурная фрейлина княгиня Елизавета Оболенская, Сазонов, прибывший для доклада царю, и начальник царской охоты в Польше граф Владислав Велепольский. Бледная, похудевшая Александра Федоровна, однако, улыбалась. На обращенные к ней тревожные вопросы она ответила спокойным тоном: «Врачи не констатируют еще никакого улучшения, но лично я уже не беспокоюсь. Я получила сегодня ночью телеграмму от отца Григория, которая меня совершенно успокоила». Затем она прочитала телеграмму: «Бог воззрился на твои слезы и внял твоим молитвам. Не печалься. Твой сын будет жить».

В течение 1913 г. несколько лиц снова осмелились открыть глаза царю и царице на поведение «старца» и его нравственную низость.

Это были: во-первых, вдовствующая императрица Мария Федоровна, затем сестра царицы Елизавета Федоровна. И сколько других! Но всем предупреждениям, всем увещаниям царь и царица противопоставляли один и тот же спокойный ответ: «Это все клеветы. Впрочем, на святых всегда клеветают».

В религиозных разглагольствованиях, которыми Распутин обычно прикрывает свой эротизм, постоянно повторяется одна идея: «Одним только раскаянием мы можем спастись. Нам,

¹ Гемофилия – врожденный органический недостаток, довольно редко встречающийся и проявляющийся в странной форме: гемофилию считают признаком вырождения. Характерный симптом – изменения крови, теряющей в большей или меньшей степени способность свертываться. Отсюда частые кровотечения, которые иногда невозможно остановить. Малейшее ранение, кровь из носа, легкий ушиб, укол или даже малейшая случайность, приступ кашля, неверный шаг причиняют обильное кровотечение. В большинстве случаев это внутреннее кровоизлияние, заливающее ткани, суставы, внутренности. Обычные приемы, рекомендуемые для остановки кровотечения, бессильны в данном случае; иногда помогают впрыскивания физиологического раствора. Две трети гемофиликов умирает раньше одиннадцати лет, очень немногие переживают двадцатый год. С точки зрения наследственности, гемофилия представляет интересную особенность: предрасположенность передается только мальчикам и всегда через здоровых матерей.

значит, надо согрешить, чтоб иметь повод покаяться. Следовательно, если Бог посылает нам искушение, мы должны поддаться ему, чтобы обеспечить себе предварительное и необходимое условие плодотворного раскаяния... Впрочем, не было ли первым словом жизни и истины, которое Христос сказал людям: Покайтесь! Но как покаяться, предварительно не согрешивши...»

Его безыскусственные проповеди избилуют хитроумными рассуждениями об отпусти-тельной ценности слез и искупительной силе сокрушения. Один из его любимых аргументов, действующих наверняка на его женскую клиентуру, сводится к следующему: «Чаще всего не отвращение к греху мешает нам уступить искушению, ибо, если бы грех в самом деле внушал нам отвращение, нас не тянуло бы грешить. Хочется нам когда-нибудь съесть чего-нибудь, что нам противно? Нет, что нас удерживает и пугает, так это испытание, которое раскаянье гото-вит гордости.

Совершенное сокрушение требует абсолютного смирения. А мы не хотим смириться, даже перед Господом. Вот в чем секрет нашей борьбы с искушением. Но Всевышний Судия, – Он не ошибается. И когда мы будем в долине Иосафата, Он припомнит нам все случаи спа-ситься, которые Он доставил нам и которые мы отвергли...»

В XI столетии нашей эры эти софизмы проповедывались уже фригийской сектой. Еретик Монтанус охотно доказывал их своим красивым последовательницам в Лаодикии, добиваясь тех же практических результатов, что и Распутин.

Если бы деятельность «старца» ограничилась областью сластолюбия и мистицизма, он был бы для меня лишь предметом более или менее интересного психологического... или физиологического исследования.

Но, силой обстоятельств, этот невежественный крестьянин сделался политическим ору-дием. Вокруг него сгруппировалась клиентура влиятельных лиц, связавших свою судьбу с его судьбой.

Самым значительным из них является министр юстиции, лидер крайне-правой в Госу-дарственном Совете, Щегловитов: при живом уме и едком красноречии он вносит в осуществ-ление своих идей много расчета и гибкости; он, впрочем, недавно обращен в распутизм. Почти такое же значение имеет министр внутренних дел Николай Маклаков, любезная покладистость которого очень нравится царю и царице. Затем обер-прокурор Синода Саблер – презренный и раболепный характер; благодаря ему «старец» держит, так сказать, в руках весь епископат, все высшие духовные должности. Непосредственно после него я назову первого прокурора Сената, Добровольского, затем члена Государственного Совета Штюмерера, затем коменданта импера-торских дворцов, зятя министра Двора, генерала Воейкова. Я назову, наконец, очень смелого и очень хитрого директора Департамента Полиции, Белецкого. Легко представить себе огром-ную власть, которую представляет коалиция таких влиятельных лиц в таком самодержавном и централизованном государстве, как Россия.

В противовес вредному влиянию этой камарильи я вижу при царе и царице лишь одного человека, начальника Военной Канцелярии, князя Владимира Орлова, сына бывшего русского посла в Париже. Это прямой ум и гордое сердце; он всей душой предан царю и с первого же дня объявил себя противником Распутина и без устали ведет борьбу против него, конечно, вызывая враждебное отношение к себе со стороны царицы и г-жи Вырубовой.

Вторник, 3 ноября 1914 г.

Два дня тому назад я получил от графини Л. следующее письмо:

Мой дорогой друг!

Не подумайте, что я пишу в бреду. Но некто странный и таинственный просит меня перевести то, что он думает о Франции, и передать это вам. Предупреждаю Вас, что это набор бессвязных слов.

Посылаю вам также русский оригинал, если можно назвать «оригиналом» приложенную при сем пачкотню. Может быть, вы найдете кого-нибудь компетентнее меня, кто проникнет в мистический, может быть пророческий смысл этого листка. Мне прислала его г-жа Вырубова с просьбой перевести его для вас. Я полагаю, что эта идея исходит из высших сфер...

Ваш верный друг О. Л.

К этому письму приложен листок бумаги, исписанный крупным, неровным, тяжелым, грубым почерком, состоящим из прерывающихся, резких, приплюснутых линий. Буквы так топорны, так бесформенны, что их едва можно разобрать. Но вся страница в целом выразительна, как офорт. Подпись читаешь почти без труда: «Распутин».

Вот, по словам г-жи Л., перевод русского текста (копия факсимиле Распутина):

«Давай бох по примеру жить рassi оне укоризной страны напримерь нестожества сей минуты евит бох евление силу увидите рать силу небес победа сваи и вас роспутин.

– Дай вам Бог жить по примеру России, а не критикой страны, например ничтожество². С этой минуты Бог явит чудо силы. Ваша рать увидит силу небес. Победа с Вами и на вас,

Распутин.

У листка, на котором нацарапан этот логогриф, оторван верхний левый угол, где был императорский герб. Значит, Распутин писал в Царском Селе. После тяжелого раздумья я отправляю графине Л. туманный ответ, в котором развиваю следующую идею: «Французский народ, который одарен всеми интуициями сердца, прекрасно понимает, что русский народ воплощает свою любовь к отечеству в особе царя...». Мое письмо кончается так: «Итак, пусть ваш пророк успокоится. На той высоте, на которую Россия и Франция вознесли свой общий идеал, они всегда поймут друг друга».

Среда, 4 декабря 1914 г.

Графиня Л. пишет мне:

– Вы прекрасно ответили на мое письмо и ваш ответ находится в августейших руках. Я с тех пор убедилась, что я была права, пред полагая, что распоряжение перевести (письмо Распутина) исходило из высших сфер.

Ваш верный друг О. Л.

Среда, 9 декабря 1914 г.

Отсутствие сведений о военных операциях в Польше, предчувствие, оказавшееся слишком основательным, огромных потерь, понесенных русской армией, наконец, эвакуация Лодзи поддерживают в публике мрачное уныние. Мне всюду попадаются лишь люди подавленные. Эта подавленность проявляется не только в салонах и клубах, но и в учреждениях, в магазинах, на улицах.

² Г-жа Вырубова полагает, что это надо понимать так, что Россию не следует попрекать ее монархизмом (примечание г-жи Л.)

Сегодня днем я зашел к антикварию на Литейном. Поторговавшись минут пять, он спрашивает меня с испуганным лицом:

– Ах, monsieur, когда кончится эта война... Правда ли, что мы потеряли у Лодзи миллион людей?

– Миллион людей! Кто вам сказал это? Ваши потери значительны, но уверяю вас, что они далеки от такой цифры. У вас в армии сын или родственник?

– Нет, слава Богу. Но эта война слишком затянулась, слишком ужасна. И потом, мы никогда не победим немцев. Так почему же не покончить с этим сразу?

Я его ободряю, как могу. Я ему доказываю, что если мы проявим упорство, мы, наверное, победим. Он слушает со скептическим и унылым видом. Когда я замолчал, он сказал:

– Вы, французы, может быть, победите. Мы, русские, нет. Мы проиграем... Но тогда зачем же, Господи, убивать столько людей? Почему не покончить с этим сразу?

Увы! Сколько русских рассуждают так в настоящее время.

Вернувшись в посольство, я застаю здесь старого барона Г., который лет десять тому назад играл политическую роль, но с тех пор участвует только в светских удовольствиях и сплетнях. Он говорит со мной о военных событиях.

– Плохо... Иллюзия рассеялась... Николай – бездарность... Бой у Лодзи, – какое безумие, какое поражение! Наши потери: больше миллиона людей... Мы никогда не одолеем немцев... Надо подумать о мире.

Я возражаю, что три союзные страны обязаны продолжать войну до поражения Германии, потому что на карту поставлены их национальная независимость и целость. Я добавляю, что унижительный мир неизбежно вызовет революцию в России, и какую революцию! В заключение я заявляю, что я абсолютно убежден в верности императора нашему общему делу.

Г. возражает тихо, как если бы кто-нибудь мог нас услышать.

– О, император... император.

Он останавливается. Я настаиваю.

– Что вы хотите сказать? Кончайте.

Он продолжает принужденно, так как вступает на опасную почву.

– В настоящее время император не может спокойно говорить о Германии, но он скоро поймет, что он ведет Россию к гибели... Ему дадут это понять... Я как будто слышу, как эта каналья Распутин говорит: «Да что же это. Долго ты еще будешь проливать кровь твоего народа? Неужели ты не видишь, что Бог тебя покинул»... В этот день, господин посол, мы будем близки к миру.

Я сухо обрываю разговор:

– Это глупые сплетни, император клялся на Евангелии и перед иконой Казанской Божьей Матери, что он не подпишет мира, пока на русской земле будет хоть один солдат. Никогда вы меня не заставите поверить, что он не выполнит подобной клятвы. Не забудьте, что в тот день, когда он произносил ее, он пожелал, чтоб я был возле него, чтоб я был свидетелем и поручиком в том, в чем он клялся перед Богом. В этом пункте он останется непоколебимым. Он скорее умрет, чем нарушит свое слово.

Четверг, 7 января 1915 г.

Вот уже девять дней длится упорная борьба на левом берегу Вислы в секторе, расположенном между Бзурой и Равкой. 2 января немцам удалось занять важную позицию в Боржимове; итак, их фронт атаки находится в 60 километрах от Варшавы.

Это положение вызывает в Москве очень суровую оценку, если верить впечатлениям, сообщенным мне английским журналистом, вчера только обедавшим в «Славянском Базаре». «Во всех московских салонах и кружках, – говорит он, – проявляется большое раздраже-

ние по поводу оборота, какой принимают военные события. Не могут понять этой остановки всех наступлений и этих постоянных отступлений, которые как будто никогда не должны кончиться... Однако обвиняют не Николая Николаевича, а царя и еще больше царицу. Об Александре Федоровне распространяют самые нелепые слухи; обвиняют Распутина в том, что он подкуплен Германией и царицу иначе не называют, как «немкой».

Вот уже несколько раз я слышу, что царицу упрекают в том, что она сохранила на троне симпатии, пристрастие, привязанность к Германии. Несчастливая женщина ни с какой стороны не заслужила такого обвинения, о котором она знает и которое приводит ее в отчаяние.

Александра Федоровна ни душой, ни сердцем никогда не была немкой. Правда, она немка по происхождению, по крайней мере, с отцовской стороны, так как отцом ее был Людвиг IV, великий герцог Гессенский и Рейнский, но она англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., шести лет, она потеряла мать и с тех пор обычно жила при английском Дворе. Ее воспитание, образование, умственное и нравственное развитие были совершенно английские. Еще теперь она англичанка по внешности, по манере, по известному налету чопорности и пуританизма, по непримиримой и воинствующей суровости своего сознания, наконец, по многим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все то, что в ней осталось от ее западного происхождения.

В сущности же она стала вполне русской. Несмотря на легенду, которая, как я вижу, образуется вокруг ее имени, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она горячо любит Россию. И как ей не быть привязанной к этой второй ее родине, которая заключает в себе и воплощает для нее все ее интересы – женщины, супруги. Когда она вступала на трон в 1894 г., уже было известно, что она не любит Германию, в особенности Пруссию; в последние годы она чувствовала личное отвращение к императору Вильгельму, и она на него взваливает ответственность «за эту ужасную войну». Когда она узнала о сожжении Лувэна, она воскликнула: «Я краснею, что была немкой».

Я уже отмечал болезненные предрасположения, унаследованные Александрой Федоровной от матери, проявляющиеся и у ее сестры Елизаветы Федоровны в филантропической экзальтации, а у ее брата великого герцога Гессенского в странных вкусах. Так вот, эти наследственные наклонности, которые более или менее атрофировались бы в положительной и уравновешенной среде Западной Европы, нашли в России самые благоприятные условия для своего полного развития. Моральное беспокойство, хроническая тоска, неопределенные страхи, смена периодов возбуждения и подавленности, неотвязная мысль о невидимом и потустороннем, суеверное легкоеверие, – все эти симптомы рельефно выступают в личности императрицы; покорность, с которой Александра Федоровна подчиняется влиянию Распутина не менее знаменательна. Видя в нем «божьего человека», «святого», гонимого, как Христа гнали «фарисеи», признавая в нем дар предвидения, способность совершать чудеса и изгонять бесов, ставя в зависимость от его благословений успех политического акта или военной операции, она ведет себя, как вели себя когда-то московские царицы, она переносит нас в эпоху Ивана Грозного или Михаила Федоровича.

Николай и Распутин

Воскресенье, 21 февраля 1915 г.

Русская армия отступает от района Тильзита на нижнем Немане до района Плоцка на Висле, т. е. на фронте в 450 километров. Она потеряла свои окопы у Ангеррапа и все проходы у Мазурских озер, которые были так удобны для защиты: она поспешно отступает по направлению к Ковно, Гродно, Осовцу и Нареву.

Этот ряд неудач доставляет Распутину случай утолить непримиримую злобу, которую он питает к великому князю Николаю.

В начале своей карьеры в Петербурге в 1906 г. у «старца» не было более усердных покровителей, чем Николай Николаевич и Петр Николаевич и их супруги – черногорки – Анастасия и Милица. Но в один прекрасный день Николай осознал свою ошибку и постарался исправить ее. Он умолял, заклинал царя прогнать гнусного «мужика», несколько раз он повторял попытку: ничего не вышло. С тех пор Распутин затаил месть. Поэтому меня не удивляет, когда я узнаю, что он в присутствии царя и царицы беспрерывно ругает генералиссимуса. С обычным своим чутьем он сразу же остановился на обвинениях, которые в их глазах могли иметь наибольшее значение. С одной стороны, он обвиняет его в том, что тот пускает в ход всякого рода лицемерные приемы, чтобы снискать популярность среди солдат и создать себе в армии политическую клиентуру. С другой стороны, он повторяет, что Николаша не будет иметь успеха ни в одной из операций, потому что Бог никогда не благословит их. Как, в самом деле, может Бог благословить действия человека, который предал меня, «божьего человека?»

Моя встреча с Распутиным

Среда, 24 февраля 1915 г.

Сегодня днем, в то время, как я был у г-жи О., принимающей деятельное участие в устройстве госпиталей, неожиданно с шумом открывается дверь гостиной. Человек высокого роста, одетый в длинный черный кафтан, какие носят по праздникам зажиточные мужики, обутый в тяжелые сапоги, широко шагая, подходит к г-же О. и громко целует ее. Это Распутин.

Бегло взглянув на меня, он спрашивает:

– Кто это?

Г-жа О. называет мою фамилию. Он продолжает:

– А, это французский посол. Я рад с ним познакомиться, мне как раз надо кое-что сказать ему.

И начал быстро говорить. Г-жа О., которая служит нам переводчицей, не успевает переводить. У меня, таким образом, есть возможность рассмотреть его. Темные, длинные и плохо расчесанные волосы; черная, густая борода; высокий лоб; широкий выдающийся вперед нос, мускулистый рот. Но все выражение лица сосредоточено в глазах льняно-голубого цвета, блестящих, глубоких, странно притягательных. Взгляд одновременно пронзительный и ласкающий, наивный и лукавый, пристальный и далекий. Когда речь его оживляется, зрачки его как будто заряжаются магнетизмом.

В кратких, беспорядочных фразах, с обилием жестов, он рисует мне патетическую картину страданий, которые война приносит русскому народу.

Затем он окидывает меня недоверчивым взглядом и чешет себе бороду. Затем неожиданно выпаливает:

– Есть везде дураки.

Он возвращается к своей первоначальной теме, к необходимости облегчить народные страдания.

После этого он целует г-жу О., прижимает меня к своей груди и, широко шагая, выходит, хлопнув дверью.

Скандал Распутина в Москве

Четверг, 15 апреля 1915 г.

Несколько дней тому назад было в газетах, что Распутин уехал в Москву. Исполняя обет, который он дал в прошлом году, когда доктора вырвали его у смерти, он ехал помолиться в Кремле на могиле патриарха Гермогена.

Когда наступил вечер, он перешел к подвигам другого рода. И хотя оргия происходила при закрытых дверях, но в публику проникло достаточно подробностей для того, чтобы вызвать во всех классах московского населения волнение, скандал, глухой ропот негодования и отвращения.

Вот история, как мне ее только что передал родственник московского градоначальника, генерала Адрианова, адъютант императора, прибывший из Москвы.

Сцена имела место в салоне ресторана «Яр», в Петровском парке. С Распутиным были два журналиста и три молодые женщины, из которых по крайней мере одна принадлежала к лучшему обществу Москвы.

Ужин начался около полуночи. Было много выпито. Балалаечники исполняли национальные мотивы. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде, называя по фамилиям женщин, которые ему отдавались, раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную особенность, какую-нибудь смешную или скабрёзную подробность.

После ужина балалаечников заменили цыганки. Распутин, совершенно пьяный, принялся рассказывать об императрице, которую он называл «старушкой». Это смутило общество. Он продолжал, нисколько не смущаясь. Показывая вышитый жилет, который он носил под кафтаном, он заявил:

– Этот жилет мне вышила «старушка». Я делаю с ней все, что хочу.

Светская дама, затесавшаяся в эту авантюру, запротестовала, хотела уйти. Тогда он, взбешенный, шатаясь, сделал непристойный жест.

Затем он кинулся к цыганкам. Те встретили его тоже неласково. Он стал ругать их, вплетая в эти ругательства имя царицы.

Между тем участники оргии боялись быть скомпрометированными в подобном скандале, о котором говорил уже весь ресторан, и полицейские последствия которого могли оказаться серьезными ввиду оскорбления императрицы.

Потребовали счет. Как только «человек» принес счет, светская дама бросила на стол пачку рублей, суммой далеко превышавшую итог счета, и поспешно вышла. Цыганки вышли вслед за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.